

ГРНТИ 11.01.11

Научная статья

<https://doi.org/10.32523/2616-6887-2025-152-3-37-55>

Надежда казахстанцев на эффективность власти: особенности и факторы

А.К. Жунусова ^{1b}

Казахский национальный университет имени аль-Фараби, Алматы, Казахстан

(E-mail: zhunussova.aigerim.polit@gmail.com)

Аннотация. В статье рассматривается комплексный феномен социально-политической надежды в казахстанском обществе с учетом его сложной природы и влияния на характер настроений, ожиданий и политического поведения граждан. Основываясь на обширных данных теоретического и эмпирического характера, а также на результатах собственного исследования, изучаются содержание и условия формирования надежды казахстанцев на эффективность власти. В статье анализируется концепция надежды, её предназначение для социума, определяется, при каких условиях она может служить благоприятной основой государственного и общественного развития, а при каких условиях может усиливать социально-политические риски.

Автор указывает на то, что надежда играет важную роль в формировании доверия к государству, к его институтам и представителям, а также ожиданий по поводу улучшения качества работы органов власти, служит устойчивости государства и поддержанию политической системы. Следует обратить внимание, что нереализация ожиданий и потеря надежд может приводить к нарастанию протестности в обществе. Результаты исследования позволяют сделать выводы о возможном стабилизирующем и дестабилизирующем эффекте надежды для казахстанцев в настоящем и ближайшем будущем.

Провозглашение политических реформ демонстрирует намерения на изменения и накладывает новые ожидания, а вместе с этим и новые надежды. Но следует обратить внимание, что политические программы не всегда способны доступно объяснить реальные механизмы реформ, и то, чем они отличаются от предыдущих. Поэтому актуализируется вопрос эффективного транслирования политических изменений, особенно в контексте Нового Казахстана.

Ключевые слова: социальная надежда, власть, политическое доверие, слышащее государство, политические ценности.

Поступила: 16.06.2024; Принята: 25.09.2025; Доступна онлайн: 30.09.2025

Введение

При том, что существует достаточно большое количество трудов, связанных с темой надежды, этот феномен всё ещё остаётся предметом научной дискуссии, поскольку присутствуют разные подходы и понимания надежды, ему придают различное значение и не одинаково оценивают его влияние на политическое поведение. В контексте изучения теорий, объясняющих социальную надежду, следует подчеркнуть, что если надежда представляет субъективное восприятие обществ, то требуется формирование актуальных для каждого социума индикаторов измерения, чтобы построить полную картину общества и его надежд.

Феномен социальной надежды. Надежда представляет собой особый феномен, который изучается многими науками, в частности философией, психологией, социологией, политологией и политэкономией. Философское понимание надежды содержится в трудах Эриха Фромма [1], Ричарда Рорти [2], Джудит М.Грин [3] и многих других, и описывается как упование на те или иные события. В рамках многих научных школ надежда оценивается как феномен положительный. Так, Эмиль Дюркгейм [4] связывал надежду с инстинктом самосохранения и с волей к жизни: «какова бы ни была роль надежды в генезисе инстинкта самосохранения, этот последний представляет убедительное свидетельство относительной ценности жизни». Карен Хорни [5] считала, что надежда может выступать опорой личности в определённые моменты жизни, и именно благодаря ей человек может продолжать действия, преодолевая трудности. В теоретической литературе однако существуют и более сдержанные оценки влияния надежды на психологию личности и общества. Так, отмечается, что опора на внешние факторы может вести к безнадёжности. Феномен безнадёжности является обратным надежде и выражает потерю смысла, может деморализовать человека, приводить к отчаянию, потере ориентиров в будущем [6; 7].

Также следует отметить, что наряду с дуализмом надежды и безнадёжности, теоретики дифференцируют «полезную» и «вредную» надежду как активную и пассивную. Согласно этому разделению, активная надежда является более благотворной, так как характеризуется способностью человека принимать решения, рассчитывать на собственные силы и брать ответственность. Пассивная надежда в большей степени связана с терпением, принятием внешних обстоятельств, ожиданием изменений условий. Это может быть связано с желанием индивида обезопасить себя, но бессилием и невозможностью влиять на настоящее [8].

Следующей дифференциацией феномена надежды является её рассмотрение с точки зрения уровня анализа. В теоретической литературе существует отдельный термин «социальной надежды». Многие исследователи связывают феномен социальной надежды с представлениями граждан о будущем и ориентированностью в будущее, которая может проявлять как позитивные, так и негативные аспекты [9; 10]. Например, коллективная надежда во многом исходит из социально-политического опыта общества, пережившего испытание, а также из солидарности и умения «смотреть» в будущее [11; 12]. Поэтому надежда может быть определена культурными особенностями, историческими

обстоятельствами и условиями. Э.Дюркгейм описывает надежду как возникающую из ряда факторов, зачастую даже под воздействием негативного опыта, и при этом с ориентацией общества на то, что «будущее окупит прошлое» как «вознаграждение за страдания». Таким образом, надежда может быть связана с жертвенностью. Во властных отношениях это может проявляться, например, в том, что граждане будут иметь больше лояльности к власти, «закрывать глаза» на минусы, боясь потерять опору. Соответственно, в основе надежды могут содержаться реальные объективные причины на улучшения, но также она может возникать из-за иллюзорного восприятия, различного рода искажений, религиозных и магических верований и представлений [13].

С точки зрения операционализации теории следует подчеркнуть значение работ Андреаса М. Крафта при анализе результатов ежегодных исследований «Барометра надежды» [14]. Согласно данным исследованиям, надежда приобретает особую актуальность во времена кризиса и позволяет людям осознать желаемое будущее, также она позволяет понять по-настоящему значимые для общества смыслы и ценности. При этом важно осознать желаемое и сформулировать цель, а затем определить препятствия [15] – такая последовательность способна не демотивировать, а стимулировать граждан и учить их прагматично смотреть на ситуации, справляться с трудностями.

Существует множество современных научно-исследовательских трудов, рассматривающих предназначение надежды и её характеристики, например, политическая надежда как условие политического участия и продвижения демократии [16], ложная надежда и политическое манипулирование надеждой [17], обусловленность надежд культурными ценностями и интересами [18], важная социальная роль надежды и её взаимосвязь с социальной поддержкой и доверием [19]. С экономической точки зрения надежда рассматривается как фактор преодоления экономических кризисов и потрясений, проблем бедности и голода, является необходимостью для выживания социально-экономических групп [20; 21]. Надежда на прогрессивные и фундаментальные изменения исследуется в контексте новых глобальных вызовов и угроз [22], с возникновением COVID-19 популярны стали исследования изменений уровня и качества социальной надежды [23; 24], а также исследования, связывающие данный феномен с естественным направлением науки [25], изучение надежды также получило большое место в социологических работах, определяя, на что надеются различные социальные группы [26; 27; 28].

Анализ литературы показывает, что, как правило, почвой для надежды служат неопределённые условия. Если условия исключительно положительные, то можно говорить о другом феномене – уверенности в будущем. Если же отсутствует альтернативный вариант или нет «подушки безопасности», определённости, то возникает надежда, значение которой состоит в адаптации к неопределённым условиям [29]. Соответственно, там, где есть надежда, также могут присутствовать и опасения. Поверхностно надежда может восприниматься как более позитивный настрой, однако на глубинном уровне она выступает как средство защиты от страха возможных негативных последствий. То есть надежда возникает, когда есть страх худшего и одновременно желание лучшего.

Признание невозможности повлиять на события может быть более эмоционально сложным и негативным для социального восприятия, поэтому надежда в таком случае

становится более безопасной альтернативой [30; 31]. Мартин Селигман приходит к выводу, что модель поведения человека и его стойкость зависит от того, как он интерпретирует события. Поэтому можно сказать, что надежда обозначает перспективу и отвергает обречённость, безысходность, позволяет человеку обретать смысл. Таким образом, описывается предпочтительное, желаемое будущее, а надеяться - означает готовиться именно к такому будущему, что позволяет снижать тревожность [32; 33; 34].

В целом можно прийти к выводу, что социальная надежда выполняет несколько основных функций: помогает обществу справляться с трудностями и кризисами, не теряя смыслов развития и ориентира в сторону желаемого будущего; способствует общественной деятельности, приложению усилий граждан для общественного развития, обретению терпения и упорства; может поддерживать общественное доверие в целом и доверие к институтам власти

Материалы и методы исследования

В основу исследования, представленного в данной статье, легли методы работы с первичными и вторичными данными. Так, статья опирается на данные фокус-групп и интервью, которые были получены в ходе командировок автора в города Казахстана (Павлодар, Караганда, Актау, Туркестан, Кызылорда) в рамках собственного исследования по образу власти, благодаря чему автору удалось проанализировать надежду казахстанцев на власть и узнать особенности отношения казахстанцев к органам власти. Также проведён анализ данных, полученных исследовательским коллективом научного проекта при участии автора. Количественные данные опроса 2021 года в проекте «Протестный потенциал в Казахстане: особенности, факторы и тренды» (1999 респондентов) [35] показали важность социально-экономических факторов для казахстанцев и доверие к власти как один из индикаторов социально-политической надежды.

Также предпосылкой к изучению надежды стало то, что в 2023 году автор статьи участвовал в исследовании по образу будущего страны глазами граждан Казахстана, которое проводил Центр региональных исследований. По результатам этого опроса в 1500 респондентов 80,5% ответили «да» и «скорее да» на то, что чувствуют уверенность в завтрашнем дне, при этом у 59% из них уверенность основывается на вере в собственные силы и возможности, у 25% на надежде на лучшее, у 13,6% на социально-экономических изменениях в стране. Фраза «Казахстан в 2050 году» ассоциируется у большинства респондентов прежде всего с надеждой (42,5%) и с доверием (36,7%). Таким образом, результаты продемонстрировали, что большое значение имеет то, каков уровень надежды в Казахстане и содержание ожиданий от власти, что в итоге отражается на политическом поведении и особенностях политического участия граждан.

Поэтому данная статья направлена на то, чтобы раскрыть понимание того, какие именно надежды присутствуют в Казахстане, с чем связаны надежды казахстанцев в целом и именно надежда на власть, какие факторы влияют на формирование надежды.

Результаты и обсуждение

Исследование приходит к выводу, что социально-политическая надежда основывается на оценках гражданами как политико-экономических (государственное управление, безопасность, экономика и др.), так и социокультурных факторов (социальная идентичность и историческое прошлое, восприятие справедливости, политические и социальные ценности). Данная статья сосредотачивает своё внимание на следующих аспектах, в которых заключается надежда на эффективность власти: политические ожидания от государственного управления и доверие к власти; ожидания стабильности социально-экономической ситуации; реализация запроса на социальную справедливость; политическая коммуникация между властью и обществом. Хотя ожидания отличаются от надежды и подразумевают то, что граждане считают более вероятным, тем не менее в своей основе содержат социальные ценности и идеалы [36]. Так, например, граждане могут ожидать реализацию ценности справедливости [37] (о которой речь пойдет ниже). В надежде на власть может содержаться желание иметь надёжность, чувство безопасности, поэтому зачастую надежда сравнивается с некой иллюзией, может нести в себе образ благополучного будущего, создавая социальное чувство защищённости в том, что удачный выход будет найден.

Фокус-группы показали, что во многом политическая надежда опирается на отношение к власти и её оценке, а также что главным образом ожидания к власти проявляются в двух основных аспектах: социально-экономическом и политическом. Среди факторов, которые могут оказывать влияние на наличие надежды у казахстанцев, можно выделить следующие. Во-первых, это институциональные факторы, они основываются на политическом доверии к институтам власти, стабильности политической системы, надежде на эффективность власти, опыте политического участия населения. Во-вторых, экономические факторы, которые заключаются как в объективной экономической ситуации в стране, так и в оценке и прогнозах граждан о будущих экономических условиях для себя и своей семьи, надежде на экономическую стабильность и т.д. В-третьих, социокультурные факторы, они включают в себя ценности, идентичность, исторический и социальный опыт, что также влияет на будущие ожидания. В-четвертых, информационные факторы проявляются через влияние СМИ, социальных сетей, различных медиа, которые формируют представления и мнения граждан.

Политические ожидания и доверие. С точки зрения политических ожиданий надежду на эффективность власти следует рассматривать с позиции запросов граждан и того, насколько органы власти могут удовлетворять потребности граждан. Так, население может доверять или лояльно относиться к органам власти и надеяться, что запросы социальных групп будут услышаны. В свою очередь, когда граждане полагаются исключительно на государство и властные органы, это может приводить к патернализму и тому, что граждане будут меньше чувствовать и осознавать собственную ценность. Поэтому важно развивать каналы взаимодействия между властью и обществом, расширять возможности для политического участия.

Проведенные фокус-группы показали, что в Казахстане надежда связана с полномочиями и влиянием государственных органов на страну и будущее. Не раз

респонденты подчеркивали, что будущее «будет зависеть от того, кто будет у власти». Следовательно, итоговые политические решения будут напрямую зависеть от позиции властных органов. Если образ власти положительный, то в целом население склонно надеяться на власть, обращаться к власти с запросами, ожидать положительного результата работы. Поэтому доверие к органам власти выступает важным показателем надежды на эффективность работы госорганов.

Более того, надежда возлагается не просто на абстрактное государство, но личность представителей органов власти. Именно поэтому одним из популярных обращений граждан являются не только обращения в СМИ, но и в блоги представителей госорганов, их страницы в социальных сетях. Опрос прошлого исследования также показал, что в Казахстане присутствует персонификация надежды, и, например, при одобрении деятельности государственной власти, в первую очередь, одобряют граждане Президента и акима своей области [35]. Таким образом, при возникновении проблем большинство обращений будут, вероятно, адресованы, в первую очередь, Президенту и акимам.

Данный тезис подтверждают и данные из других источников. Так, например, в одном из казахстанских исследований [38], фокус-групповые дискуссии показали, что молодёжь и женщины считают, что главным субъектом значимых изменений в социальной сфере выступают именно государственные органы, потому что остальные группы, в том числе и бизнес-сектор, способны помочь лишь в отдельных случаях, но, как правило, не могут стать причиной значительных перемен. Делается вывод о том, что ожидания и представления о будущем у казахстанцев достаточно расплывчатые, а надежды на улучшения граждане во многом связывают с приходом молодого поколения к власти [39], то есть вновь основная надежда связывается с тем, кто именно будет у власти.

Данные собственного исследования также показали надежду на молодых людей и будущие поколения. Например, респонденты в фокус-группах отмечали: «Будущее есть у нас за счёт молодёжи», «Столько умов у нас, сейчас смотришь - молодёжь выигрывает за границей там, те же изобретатели, оставлять их надо, чтоб они здесь всё делали, и инвесторов».

Среди главных политических ценностей респонденты отмечали ценность мира, согласия, стабильности в государстве, желания изменений и развития; делились собственными тревогами о будущем, отмечали, что хотели бы, чтобы государство развивалось быстрее: «Я довольна тем, что у нас мир», «Есть движение (прим* - развитие государства), но хотелось бы больше скорости», «Если будет так же всё происходить, то ничего не поменяется»; высказывали беспокойства за будущее страны: «Тревожит, куда идёт Казахстан», «Меня устраивает, что Казахстан находится в таком среднем положении в мире, но я не знаю будущего».

Экономический фактор. Вопрос государственного управления в восприятии респондентов тесно связан с экономическим положением граждан. Большинство перечисленных респондентами запросов к власти во время фокус-групп касалось экономического положения населения, поэтому можно предположить, что основные ожидания от государства во многом имеют материально-экономический характер. Например, респонденты отмечают: «Надежда на лучшую жизнь, чтобы стабильность была, достаток,

у людей такие же ожидания»; «Хотели бы, чтобы зарплата увеличилась и цены перестали расти». Также среди актуальных для страны проблем в основном респонденты отмечают проблемы, связанные с материально-экономическими и управленческими вопросами, такими, как: экономическое положение; рост цен; коррупция; безработица и жилищная проблема; проблемы в гос. управлении.

Респонденты могут по-разному оценивать будущее страны и экономическую обстановку, в том числе иметь разные сомнения, высказывать предположения о возможном ухудшении ситуации, но надежды на собственное будущее у респондентов, как правило, более позитивные. Так, 40,1% респондентов считают, что через год они и их семья будут жить «значительно лучше» или «несколько лучше», 14,1% считают, что «несколько хуже» и «значительно хуже», а 18,3% - «так же, как и сейчас», в то время как 27,3% затрудняются ответить [35]. Таким образом, у большей части граждан присутствует позитивное видение будущего, с одной стороны, с другой стороны, есть видение того, что изменений не будет («так же, как и сейчас» - 18,3%). При этом данный показатель не должен однозначно интерпретироваться как негативный и может свидетельствовать об устойчивости, о том, что достигнут какой-то определённый уровень удовлетворённости, учитывая, что на вопрос о том, удовлетворены или не удовлетворены респонденты жизнью, которую ведут, 57,1% респондентов ответили, что вполне удовлетворены или скорее удовлетворены своей жизнью. Таким образом, надежда в данном случае может рассматриваться не только как развитие, но ещё и как представление о том, что как минимум хуже не будет, ситуация останется прежней, не будет серьезных потрясений – это надежда на стабильность, на приемлемое будущее.

Рисунок 1 – Как вы считаете, через год вы (ваша семья) будете жить лучше или хуже, чем сейчас? (%)

Стоит также отметить, что в большинстве вопросы своей жизни респонденты склонны решать самостоятельно, поэтому 45,5% на вопрос о том, как они поступят, если в ближайший год социально-экономическая ситуация в стране ухудшится, ответили, что будут самостоятельно искать пути для улучшения своей жизни [35].

Респонденты фокус-групп также отмечали, что имеют разные возможности. К примеру, один из респондентов отмечает: «Положительно то, что есть возможности заработка у молодёжи сейчас, только ленивый может быть голодным сейчас, если так подумать».

Рисунок 2 – Как вы вероятнее всего поступите, если в ближайший год социально-экономическая ситуация в стране ухудшится? (%)

При сравнении результатов за 2020 и 2021 год снизилось количество тех, кто «будет терпеливо ждать лучших времён» с 31,9% до 19,1%, и увеличилось количество тех, кто «затрудняется ответить» (с 6,3% до 17%) на вопрос о действиях в случаях ухудшения ситуации в стране [35], таким образом, стратегия ожидания позитивного будущего может со временем меняться в зависимости от социально-экономических условий.

Запрос на справедливость. Стремление полагаться на власть и возлагать ответственность в основном на государственные органы обосновано уровнем доверия к власти, централизованностью принятия важных политических решений, с одной стороны, и определенным социально-политическим опытом казахстанцев, с другой стороны. При этом необходимо подчеркнуть, что с учётом реалий политической модернизации казахстанцы обретают и накапливают всё больший опыт конвенционального политического участия, то есть меняют пассивную выжидательную позиции на более проактивную. И одним из ключевых запросов среди казахстанцев становится запрос на справедливость, так, особенную актуальность он приобретает и после Январских событий 2022 года. В основе данного запроса лежат ожидания не только справедливого распределения ресурсов, но и справедливой судебной системы, справедливого подхода к политическим, социальным трудовым интересам граждан, к вопросам инклюзии, культуры и т.д.

Так, в ходе фокус-групп респонденты отмечают общие запросы на справедливость, истребление коррупции, повышение качества жизни и культуры. В свою очередь идея

справедливости остаётся актуальной и поднимается в концепции «Справедливого Казахстана» [40]. При этом важно обратить внимание, что справедливость представляет собой также категорию субъективного восприятия и, как показывают различные исследования, восприятие справедливости, запросы и ожидания граждан опять же связаны с доверием к политическим институтам [41; 42], что является важным условием стабильности государства.

Еще один тезис заслуживает рассмотрения, а именно о том, что присутствие в обществе такого умонастроения, как надежда, показывает то, насколько в нем сильны социальные связи. В особенности по поводу ценности справедливости и в ситуации распространения протестных настроений, когда коллективные действия участников протеста могут усилить надежду на результативность объединения. Мануэль Кастельс, описывая рост протестных движений, акцентирует внимание на коммуникациях между участниками движений и приходит к выводу, что одним из важных каналов был интернет. После распространения информации, которая вызывала возмущения и гнев, граждане стали выходить на спонтанные протесты и восстания без определённого лидера. Таким образом, происходило накопление эмоций возмущения, которые в дальнейшем через социально-политическую и протестную активность участников этих движений преобразовались в надежду на успех, а успех движений влиял на рост надежды у участников движений в других странах, создавая «эффект домино» [43].

Информационные факторы и политическая коммуникация. Фокус-группы показали, что граждане активно включены в новостную повестку страны. Так, респонденты делились новостями, которые их интересуют, беспокоят, высказывали своё мнение относительно событий. В основном они следят за ситуацией в стране, используя интернет и социальные сети как наиболее удобный и быстрый способ быть в курсе происходящего. Для многих респондентов информация, которую они получают через СМИ, также позволяет оценить работу власти. При этом к информации, которая им кажется странной или вызывает много вопросов, как правило, относятся настороженно и стараются перепроверять через официальные источники. Опрос 2021 года [35] также показал, что граждане активно следят за новостями: 47,7% каждый день интересуются новостями, 38,4% интересуются от случая к случаю, а значит многие граждане заинтересованы в оценке ситуации, в наблюдении за возможным подтверждением своих ожиданий, политические и социальные вопросы небезразличны для них.

В 2019 году Казахстан стал реализовывать концепцию «Слышащего государства», которая предполагает открытый диалог между властью и обществом и большее политическое участие граждан в принятии политических решений. Для этого были разработаны различные механизмы политической коммуникации, так, например внедрение цифровой системы «Открытое правительство» [44] с рядом цифровых порталов и функционалов, направленных на повышение прозрачности политических процессов, информированность граждан и их возможности для обратной связи. Также заработала единая система подачи петиций онлайн «epetition.kz», при этом если петиция набирает 50 тыс. подписей, то она будет рассмотрена на уровне правительства, если петиция набирает 2500 подписей, то она будет рассмотрена на

уровне городского маслихата. Существует также единый call-center государственного сервиса [45], что позволяет гражданам оперативно решать многие вопросы, связанные с государственными услугами. Данные меры призваны своевременно реагировать на запросы граждан, укреплять доверие к органам власти.

Таким образом, Казахстаном реализуется ряд мер, направленных на политическую коммуникацию, реализацию интересов граждан, однако следует сказать, что это также формирует и новые ожидания и надежды со стороны граждан. Следовательно, реализация этих ожиданий — это также и вопрос воплощений надежд казахстанцев на власть, от которых будет зависеть уровень доверия к политическим институтам.

На уровень политической надежды также влияет опыт политического участия граждан и его результат: направляли ли граждане обращения в госорганы, получают ли обратную связь на свои обращения, не является ли ответ госоргана формальным, насколько их обращения воздействуют и действительно ли госорганы помогают решить проблему. Во многом эффективность будет зависеть от уровня власти, так, например, акиматы в сельской местности могут иметь меньше влияния и больше политических и экономических ограничений. Таким образом, положительный опыт политического и социального участия и коммуникации с госорганами может повышать надежду казахстанцев на эффективность власти, отрицательный, напротив, снижать уровень надежды. Поэтому в Казахстане стремятся совершенствовать систему оценивания эффективности работы госорганов, например, к таким инициативам может относиться внедрение KPI для акимов [46], который будет зависеть от динамики благосостояния жителей. Это будет реализовано через платформу «Цифровая карта семьи» [47], таким образом, KPI акимов будет повышаться, если показатели благополучия казахстанских семей будут становиться выше.

Анализ первичных и вторичных данных теоретического и эмпирического характера, помимо прочего, показывает, что феномен социально-политической надежды раскрывается через следующее: во-первых, она устремлена в будущее и даёт возможность обществу видеть перспективы развития, во-вторых, она повышает политическое доверие и социальную поддержку, в-третьих, помогает справляться с невзгодами и кризисами, в-четвертых, влияет на политическое поведение, формирует те или иные модели поведения. В Казахстане надежда отражается в общественных запросах и ожиданиях, соответствующих моделях политического поведения.

Исследование показывает, что у казахстанцев есть запрос на социально-политические изменения и справедливость, в основе которых лежит надежда на улучшение качества жизни и повышение эффективности власти. Надежда для казахстанцев - стимул и желание жить лучше, она становится важной социально-политической ценностью, сформированной в политических условиях через опыт. Важно использовать те возможности, которые создаёт социальная надежда, а именно - способность людей быть более сплоченными, узнать собственный потенциал и место в обществе, видеть перспективы развития, реализовывать творческий и трудовой потенциал в социальной и политической жизни.

Позитивный настрой казахстанцев говорит о том, что их видение будущего может вселять надежды, но также присутствуют страх и опасения неизвестности,

альтернативного их представлениям будущего. Поэтому важно перенаправить фокус с неопределённости на открытость будущего, не просто предоставлять гражданам прогнозы, утешения или мотивации, но стимулировать их способность формировать разные варианты будущего и перспектив, увеличивать возможности их самостоятельного влияния на будущее, которое представляет собой открытость, ведь «Будущее – это арена разнообразных возможностей, а не линейная последовательность предопределённых событий». Поэтому важно, чтобы граждане могли осознанно планировать своё будущее в Казахстане, но для этого необходимо создание устойчивых условий во всех сферах жизни, создание политики следования чёткому порядку в различных организациях и отраслях, наличие и соблюдение гарантий безопасности в любом виде деятельности, благодаря чему граждане могли бы более конкретизировано и прагматично планировать свою жизнь, ставить цели и достигать их. Тогда основой надежды будет выступать уверенностью граждан в будущем.

Для Казахстана вопрос надежды ставит и вопрос того, какой политический ориентир должен быть более выражен, какие желаемые характеристики общества будущего должны быть представлены. Например, ориентирует ли государство граждан прежде всего осознавать свои частные интересы и добиваться целей, создаёт ли работающие механизмы для этого. Ведь если казахстанское общество в будущем представляется как желаемое общество индивидуалистов, рассчитывающих на свои силы, в основе мотивации которых будет выгода и интерес, то государству необходимо вкладываться в построение отношений, нацеленных на экономическую и социально-политическую активность граждан, поддерживать, прежде всего, инициативность и конкурентную бизнес-среду; выстраивать политику через категории выгод и преимуществ. Тогда надежда на власть должна быть перенаправлена на индивидуальные способности и волю граждан, при этом со временем может расти авторитет не столько госслужащих, сколько бизнесменов, общественников, так как постепенно в таком обществе развеиваются стереотипы о них. Либо ориентир государства направлен на общество с принципами социальной демократии, где важны ценности разных групп общества, их удовлетворённость жизнью, где высоко ценится социальный вклад, чувство общности и социальная деятельность, а государство несёт большую ответственность за благополучие граждан и является основным объектом надежды.

Обратная сторона надежды заключается в рисках неоправданных надежд и их последствий в виде повышения уровня депривации граждан, роста девиационного, маргинального поведения в обществе, религиозной радикализации, нарастания конфликтного и протестного потенциала. Зачастую механизмом, временно сдерживающим такие проявления, может служить страх неверного выбора и дальнейшего сожаления о выборе, что описывается в теории сожаления, вклад в которую принадлежит таким учёным, как Грэм Лумс, Роберт Сагден [48], Дэвид Белл [49], Даниэль Канеман, Словик Пауль, Амос Тверски [50] и др. Сторонники данной теории, применяемой в основном социальными и экономическими науками, обнаружили, что на решения индивидов влияют опасения о неверном выборе.

Если образ власти представлен в большей степени как негативный, то граждане могут предъявлять требования, быть категорично настроены по отношению к власти, выходить на несанкционированные протесты с целью того, чтобы добиться своих требований. Это скорее характеризует низкий уровень надежды на эффективность

власти. С другой стороны, отсутствие надежды также может характеризовать, наоборот, бездействие граждан, когда они не видят смысла в своих действиях, так как не ожидают от власти эффективного разрешения проблем. Утрата надежды на власть может сопровождаться процессами десакрализации власти.

Надежда в некоторых случаях помогает перенести собственную ответственность и избавиться от сожалений, поддерживает спокойствие и позитивное отношение граждан, но неоправданные надежды, напротив, могут усиливать разочарования и сожаления граждан за неудовлетворительный выбор или модель поведения, утрату доверия к политике государства. Поэтому изучение надежд и ожиданий общества является важным с точки зрения будущего развития государства, его политико-ценностных ориентиров.

Проводимые политические реформы показывают, что государство делает шаги по совершенствованию эффективности государственного управления, что закладывает в обществе как новые ожидания, так и надежды на лучшее будущее. Поэтому особую значимость приобретает способность власти эффективно транслировать образ будущего, объяснять суть реформ, повышать влияние обратной связи от населения.

Заключение

В Казахстане наблюдается общий относительно позитивный внутренний настрой, но восприятие экономической и политической ситуации гораздо более неоднозначно, что указывают на двоякую роль надежды как одновременно стабилизирующую силу и ответ на ощущение неуверенности. Надежда глубоко переплетена с представлениями граждан об экономических и политических успехах государства, где она служит психологическим барьером от страхов и тревог за будущее. Очевидно, что граждане возлагают надежду на государство особенно в период кризиса, что демонстрирует, что граждане не утратили доверия и уверенности в его способность поддерживать социальную стабильность.

Кроме того, исследование показывает, что надежда в Казахстане формируется из опыта граждан в общении с государством, их политическим участием и эффективностью обратной связи со стороны власти. В этой связи автор подчеркивает, что на фоне продолжающегося становления социально-политической сферы в Казахстане роль надежды как драйвера политических ожиданий и поведения, а также в случае отсутствия реализации как возможного фактора дестабилизации остается критически важной. Следовательно, поддержание первого и недопущение второго будет зависеть от открытости, транспарентности государства, его способности реагировать за запросы граждан, что имеет определяющее значение для поддержания климата политического доверия и общественного единства в стране. Все эти аспекты необходимо учитывать при формировании политики в Казахстане.

Финансирование. Статья подготовлена в рамках научного проекта грантового финансирования молодых ученых «Жас ғалым» на 2024-2026 годы AP22684871 «Влияние СМИ на восприятие казахстанцами образа власти», финансируемого Комитетом науки Министерства науки и высшего образования Республики Казахстан.

Список литературы

1. Фромм, Э. (2005) Революция надежды. Избавление от иллюзий. Москва: Айрис-пресс, с. 352.
2. Rorty, R. (2000) *Philosophy and Social Hope*, Penguin Books, 4 th. Pr.ed., p.320
3. Judith, M. (2008) *Green Pragmatism and Social Hope: Deepening Democracy in Global Contexts*. New York: Columbia University Press, p.304.
4. Дюркгейм, Э. (1991) О разделении общественного труда. / Перевод с фр. и послесловие А.Б. Гофмана. Москва: Наука, с. 575.
5. Horney, K. (2013) *Our inner conflicts: A constructive theory of neurosis*, Routledge, p. 250.
6. Tecuta, L. et al. (2015) Demoralization: a systematic review on its clinical characterization, *Psychological medicine*, 45, 4, pp. 673-691.
7. Hillman, J. (1975) *Re-visioning psychology*. Harper & Row, p. 266
8. Miceli, M., Castelfranchi, C. (2010) Hope: The power of wish and possibility, *Theory & psychology*, 20, 2 pp. 251-276.
9. Aronson, R. (2017) *We: Reviving Social Hope*. Chicago: University of Chicago Press, p. 208.
10. Crapanzano, V. (2003) Reflections on hope as a category of social and psychological analysis, *Cultural Anthropology*, 18, 1, pp. 3-32.
11. Krafft, A.M. et al. (2023) Long-term Future Expectations and Collective Hope, *Hope across cultures*, p. 103.
12. Snyder, C.R., Feldman, D.B. (2000) Hope for the many: An empowering social agenda, *Handbook of hope*, Academic Press, pp. 389-412.
13. Aletti, M. (2005) Religion as an illusion: Prospects for and problems with a psychoanalytical model, *Archive for the Psychology of Religion*, 27, 1, pp. 1-18.
14. Hope barometer. Available via the link: <https://www.hopebarometer.com.au/> (Accessed: 02.04.2025).
15. Andreas, M. (2023) *Krafft Our Hopes, Our Future: Insights from the Hope Barometer*, Springer; 1st ed., p. 192.
16. Goldman, L. (2023) *The Principle of Political Hope: Progress, Action, and Democracy in Modern Thought*. London: Oxford University Press, p. 235.
17. Studebaker, B. (2023) *The Chronic Crisis of American Democracy*. London: Palgrave Macmillan, p. 216.
18. Krafft, A.M., Slezackova, A., Marujo, H.Á., Flores-Lucas, V. (2023) Values and Targets of Hope. In: Krafft, A.M., Guse, T., Slezackova, A. (eds) *Hope across cultures. Cross-Cultural Advancements in Positive Psychology*, Vol. 14, pp. 55-101.
19. Krafft, A.M. et al. (2023). Trust, Social Support and Hope Resources. In: Krafft, A.M., Guse, T., Slezackova, A. (eds) *Hope across cultures. Cross-Cultural Advancements in Positive Psychology*, Springer, Cham, Vol. 14, pp. 203-257.
20. Blöser, C. (2023) Global Poverty and Kantian Hope, *Ethic Theory Moral Prac* 26, pp. 287–302.
21. De Sena, A. (2024) Everything for My Children: Social Policies and Traces of Hope, *Soc* 61, pp. 26-34.
22. Komesaroff, P.A. (2020) Not all Bad: Sparks of Hope in a Global Disaster. *Bioethical Inquiry*, 17, pp. 515–518.
23. Dadgostarnia, M.A., Kalantari, A. & Myslik, B. (2024) Measuring the evolution of social hope since the outbreak of COVID 19 in Iran with a case study of Persian Twitter based on computational social science, *Iran J Comput Sci* 7, pp. 203–216.

24. Gross, J, Davids, T, Sools, A, Saghai, Y. (2023) Covid-19 and the politics of hope: A comparative analysis of Greek and Ecuadorian letters from a desired post-pandemic future. *Futures*, 149, pp. 103-115.
25. Chapman, M., Komesaroff, P. (2023) Radicalizing Hope, *Bioethical Inquiry* 20, pp. 651–656.
26. Scribano, A. (2024) The Sociology of Hope: Classical Sources, Structural Components, *Future Agenda, Soc* 61, pp. 1–8
27. Bishop, E.C., Willis, K. (2014). 'Without hope everything would be doom and gloom': young people talk about the importance of hope in their lives, *Journal of Youth Studies*, 17(6), pp. 778–793.
28. Greco, S. (2023) Hope in the Sociological Thoughts of some Founding Fathers, *Am Soc* 54, pp. 56–75.
29. Левада, Ю. (2003) Фактор надежды. Доступно по ссылке: <https://cyberleninka.ru/article/n/faktor-nadezhdy> (дата обращения: 16 июня 2024 г.).
30. Scioli, A., Biller, H. (2009) Hope in the age of anxiety. Oxford University Press, p. 427.
31. Snyder, C.R. (2002) Hope theory: Rainbows in the mind, *Psychological inquiry*, 13, 4, pp. 249-275.
32. Maier, S.F., Seligman, M.E. (1976) Learned helplessness: theory and evidence, *Journal of experimental psychology: general*, 105, 1, p. 3.
33. Seligman, M.E. (2006) Learned optimism: How to change your mind and your life, Vintage, p. 319.
34. Seligman, M.E. (2004) Authentic happiness: Using the new positive psychology to realize your potential for lasting fulfillment, Simon and Schuster, p. 336.
35. Protest potential in Kazakhstan: features, factors and trends / G. Nassimova, M. Buzurtanova, O. Simakova, G. Ileuova, K. Smagulov, A. Zhunussova, Sh. Khalikova. Almaty: Qazaq University, 2022, p. 94.
36. Тощева, Н.С. (2011) Понятие «Политическое ожидание»: принципы анализа и его отражение в политическом процессе, *Вестник ННГУ*. 4 (1), стр. 293-298.
37. Ролз, Д. (2017) Теория справедливости. ЛЕНАНД, с. 536.
38. Отчет по результатам оценки потребностей молодежи и женщин в вопросе использования гражданских технологий для решения социальных проблем. Доступно по ссылке: <https://drive.google.com/file/d/1-fBnfvPRQQk44QYYtm44-PUNQa2jD6t2/view> (дата обращения: 02 апреля 2025 г.)
39. 30 лет независимости Казахстана глазами граждан: события, символы и герои. Доступно по ссылке: <https://drive.google.com/file/d/1XjqNX7jizMZW4v1y2j7xxjdBj7wrxPzd/view> (дата обращения: 02 апреля 2025 г.)
40. Послание Главы государства Касым-Жомарта Токаева народу Казахстана. Доступно по ссылке: <https://www.akorda.kz/ru/poslanie-glavy-gosudarstva-kasym-zhomarta-tokaeva-narodu-kazahstana-181130> (дата обращения: 02.04.2025)
41. Bobzien, L. (2023) Income Inequality and Political Trust: Do Fairness Perceptions Matter? *Soc Indic Res*, 169, pp. 505–528.
42. Devine, D. (2024) Does Political Trust Matter? A Meta-analysis on the Consequences of Trust. Available via the link: <https://link.springer.com/article/10.1007/s11109-024-09916-y> (Accessed: 07 may 2025).
43. Castells, M. (2012) Networks of outrage and hope: Social movements in the Internet age. USA Polity Press. p. 328
44. Открытое правительство. Доступно по ссылке: https://egov.kz/cms/ru/articles/communications/open_gov (дата обращения: 07 мая 2025 г.).

45. Единый контакт-центр. Доступно по ссылке: https://egov.kz/cms/ru/articles/communications/call_center (дата обращения: 07 мая 2025 г.).
46. В Казахстане внедряют KPI для акимов. Доступно по ссылке: <https://kz.kursiv.media/2024-07-29/zmzh-bektenov-akimu/> (дата обращения: 07 мая 2025 г.).
47. В Казахстане запустили цифровую карту семьи для автоматического назначения пособий. Доступно по ссылке: <https://www.gov.kz/memleket/entities/uralsk/press/media/details/26062?lang=ru> (дата обращения: 07 мая 2025 г.).
48. Loomes, G., Sugden, R. (1982) Regret Theory: An Alternative Theory of Rational Choice Under Uncertainty, The Economic Journal. Published By: Oxford University Press, 92, 368, pp. 805-824.
49. Bell David, E. (1982) Regret in Decision Making under Uncertainty, Operations Research. Published By: INFORMS, 30, 5, pp. 961-981.
50. Канеман, Д., Словик, П., Тверски, А. (2005) Принятие решений в неопределенности. Правила и предубеждения. Харьков: Гуманитарный Центр, с. 632.

А.Қ. Жунусова

Әл-Фараби атындағы Қазақ ұлттық университеті, Алматы, Қазақстан

**Қазақстандықтардың мемлекеттік басқару тиімділігіне үміті:
ерекшеліктері мен факторлары**

Андатпа. Мақалада Қазақстан қоғамындағы әлеуметтік-саяси үміттің кешенді феномені оның күрделі табиғаты мен азаматтардың көңіл-күйіне, үміт-тілектеріне және саяси мінез-құлқына әсері тұрғысынан қарастырылады. Теориялық және эмпирикалық деректерге, сондай-ақ автордың өз зерттеу нәтижелеріне сүйене отырып, қазақстандықтардың мемлекеттік басқару тиімділігіне деген үмітінің мазмұны мен қалыптасу шарттары зерттеледі. Мақалада үміт концепциясы, оның қоғам үшін маңызы талданып, қандай жағдайда ол мемлекеттік және қоғамдық дамудың қолайлы негізі бола алатыны және қандай жағдайда әлеуметтік-саяси қауіптердің күшеюіне ықпал ететіні анықталады. Автор бұл үміттің мемлекетке, оның институттарына және өкілдеріне деген сенімді қалыптастыруда, сондай-ақ мемлекеттік органдар жұмысының сапасын жақсартуға қатысты күтілімдерді арттыруда маңызды рөл атқаратынын атап өтеді. Бұл мемлекеттің тұрақтылығы мен саяси жүйенің сақталуына ықпал етеді. Алайда, күтілімдердің орындалмауы және үміттің жоғалуы қоғамдағы наразылықтың өсуіне алып келуі мүмкін екеніне назар аударылады. Зерттеу нәтижелері үміттің қазіргі және жақын болашақта қазақстандықтар үшін тұрақтандырушы немесе тұрақсыздандырушы әсері болуы мүмкін деген қорытынды жасауға мүмкіндік береді.

Саяси реформалардың жариялануы өзгерістерге деген ұмтылысты көрсетіп, жаңа үміттер мен күтілімдерді қалыптастырады. Алайда, саяси бағдарламалар реформалардың нақты механизмдерін және олардың алдыңғыларынан айырмашылығын түсінікті түрде жеткізе алмайтынын ескеру қажет. Осыған байланысты, әсіресе Жаңа Қазақстан контекстінде, саяси өзгерістердің тиімді әрі айқын жеткізілуі мәселесі өзекті болып табылады.

Түйін сөздер: әлеуметтік үміт, мемлекеттік басқару, саяси сенім, еститін мемлекет, саяси құндылықтар.

A.K. Zhunussova

Al-Farabi Kazakh National University, Almaty, Kazakhstan

The Hope of Kazakhstanis for Government Efficiency: Features and Factors

Abstract. The article examines the complex phenomenon of socio-political hope in Kazakhstani society, considering its intricate nature and its impact on the sentiments, expectations, and political behavior of citizens. Based on extensive theoretical and empirical data, as well as the author's own research findings, the study explores the content and conditions for the formation of Kazakhstanis' hope for government efficiency. The article analyzes the concept of hope, its role for society, and identifies the conditions under which it can serve as a favorable foundation for state and social development or exacerbate socio-political risks.

The author emphasizes that this plays a crucial role in shaping trust in the state, its institutions, and representatives, as well as in raising expectations for improved performance of government bodies, contributing to the stability of the state and the maintenance of the political system. It is noted that the unfulfilled expectations and loss of hope may lead to an increase in public protest. The research results allow conclusions to be drawn about the potential stabilizing and destabilizing effects of hope for Kazakhstanis in the present and near future.

The announcement of political reforms reflects an intention for change, fostering new expectations and hopes. However, it is important to note that political programs do not always effectively explain the real mechanisms of the reforms or how they differ from previous initiatives. This highlights the growing relevance of effectively communicating political changes, particularly in the context of the New Kazakhstan.

Keywords: social hope, government, political trust, listening state, political values.

References

1. Fromm, E. (2005) *Revolyciya nadezhdy. Izbavlenie ot illyuzij*. Moskva: Airis-press, s. 352. [in Russian]
2. Rorty, R. (2000) *Philosophy and Social Hope*, Penguin Books, 4 th. Pr.ed., p.320
3. Judith, M. (2008) *Green Pragmatism and Social Hope: Deepening Democracy in Global Contexts*. New York: Columbia University Press, p.304.
4. Дюркгейм, Э. (1991) *О разделении общественного труда*. / Перевод с фр. и послесловие А.Б. Гофмана. Москва: Наука, с. 575.
5. Horney, K. (2013) *Our inner conflicts: A constructive theory of neurosis*, Routledge, p. 250.
6. Tecuta, L. et al. (2015) *Demoralization: a systematic review on its clinical characterization*, *Psychological medicine*, 45, 4, pp. 673-691.
7. Hillman, J. (1975) *Re-visioning psychology*. Harper & Row, p. 266
8. Miceli, M., Castelfranchi, C. (2010) *Hope: The power of wish and possibility*, *Theory & psychology*, 20, 2 pp. 251-276.
9. Aronson, R. (2017) *We: Reviving Social Hope*. Chicago: University of Chicago Press, p. 208.
10. Crapanzano, V. (2003) *Reflections on hope as a category of social and psychological analysis*, *Cultural Anthropology*, 18, 1, pp. 3-32.

11. Krafft, A.M. et al. (2023) Long-term Future Expectations and Collective Hope, *Hope across cultures*, p. 103.
12. Snyder, C.R., Feldman, D.B. (2000) Hope for the many: An empowering social agenda, *Handbook of hope*, Academic Press, pp. 389-412.
13. Aletti, M. (2005) Religion as an illusion: Prospects for and problems with a psychoanalytical model, *Archive for the Psychology of Religion*, 27, 1, pp. 1-18.
14. Hope barometer. Available via the link: <https://www.hopebarometer.com.au/> (Accessed: 02.04.2025).
15. Andreas, M. (2023) *Krafft Our Hopes, Our Future: Insights from the Hope Barometer*, Springer; 1st ed., p. 192.
16. Goldman, L. (2023) *The Principle of Political Hope: Progress, Action, and Democracy in Modern Thought*. London: Oxford University Press, p. 235.
17. Studebaker, B. (2023) *The Chronic Crisis of American Democracy*. London: Palgrave Macmillan, p. 216.
18. Krafft, A.M., Slezackova, A., Marujo, H.Á., Flores-Lucas, V. (2023) Values and Targets of Hope. In: Krafft, A.M., Guse, T., Slezackova, A. (eds) *Hope across cultures. Cross-Cultural Advancements in Positive Psychology*, Vol. 14, pp. 55-101.
19. Krafft, A.M. et al. (2023). Trust, Social Support and Hope Resources. In: Krafft, A.M., Guse, T., Slezackova, A. (eds) *Hope across cultures. Cross-Cultural Advancements in Positive Psychology*, Springer, Cham, Vol. 14, pp. 203-257.
20. Blöser, C. (2023) Global Poverty and Kantian Hope, *Ethic Theory Moral Prac* 26, pp. 287–302.
21. De Sena, A. (2024) Everything for My Children: Social Policies and Traces of Hope, *Soc* 61, pp. 26-34.
22. Komesaroff, P.A. (2020) Not all Bad: Sparks of Hope in a Global Disaster. *Bioethical Inquiry*, 17, pp. 515–518.
23. Dadgostarnia, M.A., Kalantari, A. & Myslik, B. (2024) Measuring the evolution of social hope since the outbreak of COVID 19 in Iran with a case study of Persian Twitter based on computational social science, *Iran J Comput Sci* 7, pp. 203–216.
24. Gross, J, Davids, T, Sools, A, Saghai, Y. (2023) Covid-19 and the politics of hope: A comparative analysis of Greek and Ecuadorian letters from a desired post-pandemic future. *Futures*, 149, pp. 103-115.
25. Chapman, M., Komesaroff, P. (2023) Radicalizing Hope, *Bioethical Inquiry* 20, pp. 651–656.
26. Scribano, A. (2024) The Sociology of Hope: Classical Sources, Structural Components, *Future Agenda, Soc* 61, pp. 1–8
27. Bishop, E.C., Willis, K. (2014). 'Without hope everything would be doom and gloom': young people talk about the importance of hope in their lives, *Journal of Youth Studies*, 17(6), pp. 778–793.
28. Greco, S. (2023) Hope in the Sociological Thoughts of some Founding Fathers, *Am Soc* 54, pp. 56–75.
29. Levada, Ju. (2003) Faktor nadezhdy. Dostupno po ssylke: <https://cyberleninka.ru/article/n/faktor-nadezhdy> (data obrashheniya: 16 iyunya 2024 g.).
30. Scioli, A., Biller, H. (2009) *Hope in the age of anxiety*. Oxford University Press, p. 427.
31. Snyder, C.R. (2002) Hope theory: Rainbows in the mind, *Psychological inquiry*, 13, 4, pp. 249-275.
32. Maier, S.F., Seligman, M.E. (1976) Learned helplessness: theory and evidence, *Journal of experimental psychology: general*, 105, 1, p. 3.

33. Seligman, M.E. (2006) *Learned optimism: How to change your mind and your life*, Vintage, p. 319.
34. Seligman, M.E. (2004) *Authentic happiness: Using the new positive psychology to realize your potential for lasting fulfillment*, Simon and Schuster, p. 336.
35. Protest potential in Kazakhstan: features, factors and trends / G. Nassimova, M. Buzurtanova, O. Simakova, G. Ileuova, K. Smagulov, A. Zhunussova, Sh. Khalikova. Almaty: Qazaq University, 2022, p. 94.
36. Toshheva, N.S. (2011) Ponyatie «Politicheskoe ozhidanie»: principy analiza i ego otrazhenie v politicheskom processe, Vestnik NNGU. 4 (1), str. 293-298. [in Russian]
37. Rolz, D. (2017) Teoriya spravedlivosti. LENAND, s. 536. [in Russian]
38. Otchet po rezul'tatam ocenki potrebnosti molodezhi i zhenshin v voprose ispol'zovaniya grazhdanskikh tehnologii dlya resheniya social'nyh problem. Dostupno po ssylke: <https://drive.google.com/file/d/1-fBnfvPRQk44QYYtm44-PUNQa2jD6t2/view> (data obrashheniya: 02.04.2025). [in Russian]
39. 30 let nezavisimosti Kazahstana glazami grazhdan: sobytiya, simvoly i geroi. Dostupno po ssylke: <https://drive.google.com/file/d/1XjqNX7jizMZW4v1y2j7xxjdBj7wrxPzd/view> (data obrashheniya: 02 aprelya 2025 g.). [in Russian]
40. Poslanie Glavy gosudarstva Kasym-Zhomarta Tokaeva narodu Kazahstana. Dostupno po ssylke: <https://www.akorda.kz/ru/poslanie-glavy-gosudarstva-kasym-zhomarta-tokaeva-narodu-kazahstana-181130> (data obrashheniya: 02 aprelya 2025 g.). [in Russian]
41. Bobzien, L. (2023) Income Inequality and Political Trust: Do Fairness Perceptions Matter? Soc Indic Res, 169, pp. 505–528.
42. Devine, D. (2024) Does Political Trust Matter? A Meta-analysis on the Consequences of Trust. Available via the link: <https://link.springer.com/article/10.1007/s11109-024-09916-y> (Accessed: 07 may 2025).
43. Castells, M. (2012) *Networks of outrage and hope: Social movements in the Internet age*. USA Polity Press. p. 328
44. Otkrytoe pravitel'stvo. Dostupno po ssylke: https://egov.kz/cms/ru/articles/communications/open_gov (data obrashheniya: 07 maya 2025 g.). [in Russian]
45. Edinyi kontakt-centr. Dostupno po ssylke: https://egov.kz/cms/ru/articles/communications/call_center (data obrashheniya: 07 maya 2025 g.). [in Russian]
46. VKazahstane vnedryat KPI dlya akimov. Dostupno po ssylke: <https://kz.kursiv.media/2024-07-29/zmzh-bektenov-akimy/> (data obrashheniya: 07 maya 2025 g.). [in Russian]
47. VKazahstane zapustili cifrovuyu kartusem'idlya avtomaticheskogo naznacheniya posobii. Dostupno po ssylke: <https://www.gov.kz/memleket/entities/uralsk/press/media/details/26062?lang=ru> (data obrashheniya: 07 maya 2025 g.). [in Russian]
48. Loomes, G., Sugden, R. (1982) Regret Theory: An Alternative Theory of Rational Choice Under Uncertainty, The Economic Journal. Published By: Oxford University Press, 92, 368, pp. 805-824.
49. Bell David, E. (1982) Regret in Decision Making under Uncertainty, Operations Research. Published By: INFORMS, 30, 5, pp. 961-981.
50. Kaneman, D., Slovik, P., Tverski, A. (2005) Prinyatie reshenii v neopredelennosti. Pravila i predubezhdeniya. Har'kov: Gumanitarnyj Centr, c. 632. [in Russian]

Сведения об авторе:

Жунусова А.К. – постдокторант кафедры политологии и политических технологий, Казахский национальный университет имени аль-Фараби, Алматы, Казахстан.

Жунусова А.Қ. – саясаттану және саяси технологиялар кафедрасының постдокторанты, әл-Фараби атындағы Қазақ ұлттық университеті, Алматы, Қазақстан.

Zhunussova A.K. – postdoctoral Researcher at the Department of Political Science and Political Technologies, Al-Farabi Kazakh National University, Almaty, Kazakhstan.

Copyright: © 2025 by the authors. Submitted for possible open access publication under the terms and conditions of the Creative Commons Attribution (CC BY NC) license (<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/>).